

Неведомые пути цивилизаций

Археолог, член-корреспондент РАН Евгений Черных о смене археологической парадигмы

Археология охватывает гигантский временной интервал – многие тысячи лет до палеолита и далее вглубь человеческой истории. Ученые выясняют: где колыбель человеческой цивилизации, каковы пути ее распространения, какова хронология, какие методы исследования надо применять. Об этом говорим с заведующим лабораторией естественно-научных методов Института Археологии РАН Е.Н. Черных

– Евгений Николаевич, поправляют ли исследования археологов ту стереотипную мировоззренческую картину, которую традиционно преподаватели-философы доносили до студентов?

– Да, в первую очередь следует отбросить старую парадигму, восходящую к классикам марксизма, так называемую «пятичленку»: по ней история человеческого общества представлялась как последовательная смена формаций – первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, и, наконец, социалистической, плавно перетекающую в коммунистическую. В соответствии с тем, что обещал Никита Сергеевич Хрущев, мы все должны бы жить уже в коммунизме, но не вышло, – правда, никто не обратил на это внимания.

«Пятичленку» предложил Энгельс, но он профессионально не занимался ни историей, ни археологией, а был вдохновлен работами своих современников, связанными с североамериканским континентом – прежде всего с Генри Льюисом Морганом – с сегодняшней точки зрения их выводы очень примитивны. В итоге он написал некие тезисы, и тезисы эти произвели впечатление только на советских идеологических работников, тоже профессионально не занимавшихся археологией, они же и превратили схему Энгельса в догму. На Западе же в эти тезисы почти никто не поверил, потому что просто не могли понять – каким образом можно данную схему применить. В нашей же стране мы должны были десятилетиями утверждать, что да, именно так и развивалась история – от первобытно-общинного к рабовладельческому и так далее, но все это было для многих историков смешно, а для археологов тем более. Потому что историки опирались на письменные источники, которые говорят о позднейших фазах существования цивилизаций, а археологи занимаются вообще всей той временной громадой, что устремлена в неведомые временные глубины. Кстати, во

времена Энгельса и с хронологией было очень плохо, не было современных методов датирования – радиоуглеродного, дендрохронологии и т.д. И потому сегодня, выстраивая контуры исторической канвы, начинаешь формулировать заключения относительно идеологии людей прошлого, опираясь прежде всего, на те артефакты и сооружения, которые мы получаем при археологических раскопках. Именно тогда и отчетливо видишь, какие сильнейшие коррективы требуются «пятичленной схеме»: она не годится, она не работает, человечество развивалось по каким-то другим канонам, пока, правда, не вполне нам ведомым.

– Так давайте и мы, в рамках интервью, сделаем шаг вглубь истории. Евгений Николаевич, поразите нас чем-нибудь.

– А знаете ли, что если бы чингизиды были пятью тысячами лет раньше и при этом сделали бы все то, что сделали (т.е. на полтора столетия подчинили бы территорию до 30 миллионов квадратных километров), то мы бы ничего о них не знали – абсолютно ничего!

– Ну, как же – а курганы, а захоронения: археологи обязательно на них бы натолкнулись! Тем более на такой обширной территории!

– Вот именно, нет! Кстати, могилу Чингизхана усиленно ищут – не мы, конечно, не российские археологи, мы давно уже ее не ищем – но есть богатые люди на Западе, которые организуют экспедиции: ищут, ищут, ищут – нет ее!

Тому есть причина. Вот люди решают: жизнь их на Земле чрезвычайно коротка, образно говоря – минутная. Но что за существование ждет их в загробном мире? И здесь появляются два полярных понимания. Если вы верите, что загробный мир материален, то вы стремитесь туда с определенными «визитными карточками». Скажем, если вы вождь, вы должны появиться с огромным количеством материальных свидетельств – золота, металла, убиенных рабов: вы ходите со всеми этими свидетельствами туда, в загробный мир, и вас там принимают в соответствии с представленными сокровищами.

Существует, однако, и другая, полярно противоположная точка зрения: загробный мир не материальный, а духовный, там отвергается абсолютно все материальное, вплоть до того, что отвергается и ваша плоть, поскольку грешна, и, стало быть, от нее также следует освободиться. Между этими полярными позициями имеет место большое число вариаций.

И когда мы, археологи, изучаем все найденные в раскопках материалы, то происходит почти фантазмагорический парадокс – это мы, археологи, оказываемся теми представителями потустороннего мира, к встрече с которыми

готовился усопший. И, кстати, та «визитная карточка» срабатывает в соответствии с задуманным: мы, если видим курган, набитый ценностями, говорим – вот он, вождь. Нам старались представить его в качестве феноменального лидера – он человек огромный, божественный – и мы соответственно так его и воспринимаем. Можно верить в потусторонний мир или не верить, но мы, археологи, являемся первыми свидетелями из того самого «потустороннего мира». Кстати, некоторым археологам это определение не очень нравится – не хочу, мол, быть представителем потустороннего мира! Но это, увы, объективно получается так.

А вот противоположное явление, я его называю «монгольским синдромом»: попробуйте, найдите на 27-30 млн. кв. километров Евразии, где простиралась самая большая из известных человечеству империй – монгольская империя чингизидов – хоть один выдающийся могильный комплекс, не получится, их нет.

Наш евразийский мир четко делится на две половины. В одной господствуют «авраамические» религии, их три – иудаизм (в качестве корневой), христианство и ислам. У всех у них легендарная фигура Авраама, первоизбранника Бога – это своеобразная исходная точка веры. В той или иной степени во всех трех «авраамических» канонах его почитают. Однако это не мешает всем приверженцам этих религий неистово враждовать между собой, – это хорошо известно. Но когда вы заходите в восточную половину Евразии – там все предстает в ином свете.

В зоне «авраамических» религий усопшего хоронят в большинстве случаев в земле, и его плоть пожирают мерзкие черви. В центре Азии, где господствует тот самый «монгольский синдром», этого не допускается, плоть должна стать пищей благородных животных – волков, лис, грифов, но ни в коем случае не червей. Поэтому труп или сжигают или расчлениют и раскладывают в разные места, где плоть быстро исчезает. И тогда дух свободен, он может свободно перерождаться. Но никаких материальных атрибутов при этих погребальных ритуалах не нужно; соответственно их и не находят археологи.

Потому-то о гигантской империи чингизидов, которая возникла почти моментально, а потом довольно быстро угасла, археологи совершенно ничего бы не узнали, если бы не было письменности у сопредельных народов и если бы в ней не были отражены бесконечные стоны по поводу тысяч разрушенных городов, тысяч караванов, увозивших куда-то неисчислимы богатства.

Кстати, самый главный злодей среди степных народов с точки зрения западных европейцев – вождь ужасающих их гуннов Аттила. Даже в первую мировую войну англичане звали немцев, когда те начинали свою агрессию – гуннами. И точно так

же европейские малопрофессиональные любители-археологи давно и безуспешно ищут могилу Атиллы – ее нет.

– Выходит, если на такой-то территории археологи не находят пирамид и гробниц, нельзя делать вывод, что здесь была убогая, примитивная цивилизация?

– Я называю одни культуры – «рациональными», другие – «иррациональными». «Иррациональная» культура буквально выкладывает всю себя на какие-то всевозможные символы – невообразимые по своей архитектуре храмы, невероятные по богатству погребения. Вот пирамида Хеопса, ее строила половина населения Египта двадцать лет, и две с лишним тысячи лет после этого египетские жрецы уверяли «отца» истории Геродота, что именно фараон, по существу, и разорил Египет, бросив все силы на сооружение этой чудовищной по гromаде пирамиды (некая переключка с нашим Гулагом). Но вот парадокс: именно это проявление иррационального и во многом губительного для древней культуры больше всего и интересует не только ученых, но и многомиллионную массу туристов. Именно они оставляют в Египте свои миллиарды долларов и евро, которые во многом и кормят эту страну, уже спустя четыре с половиной тысячи лет после строительства пирамид Гизы.

Были культуры, где проводы вождя сопровождали гигантскими курганами, вкладывая в их сооружение труд и энергию, хоть и не сравнимую с пирамидой Хеопса, но ее напоминающую. Например, так называемые степные скифские сообщества – огромный блок культур, где было обязательным сооружение погребальных курганов. А в захоронениях скифских вождей тысячи и тысячи золотых вещей, десятки и сотни убитых лошадей и т.д. Или пример погребального терракотового воинства китайского императора III века до н.э. Ци Ши Хуанди, охранявшего могилу этого властителя. Это нечто чудовищное по масштабам: около восьми тысяч терракотовых фигур воинов, рост которых намного превышает размеры среднего китайца тех столетий. «Иррациональная» культура вкладывала беспрецедентную энергию в такого рода монументы, и именно ими мы сегодня любимся в первую очередь.

Но существует огромный блок так называемых «рациональных» культур, в которых вы ничего подобного не найдете. Нет таких культур и народов, у которых не было бы вождей, воинских или же религиозных. Но могилы в таких сообществах поразительно монотонны, люди никак не помечали своих лидеров особыми ритуалами. В самом деле, раньше даже специалисты-археологи говорили – это убогая культура. Нет, это не убогая культура, это именно «рациональная» культура. Но, случается, она начинает передвигаться в

«иррациональное» русло. Скажем, до появления скифской культуры на этих же огромных пространствах примерно тысячу лет существовала иная, «рациональная» культура, и «визитные карточки» захоронений ее вождей ничем особым не помечены; символы для их лидеров приняты не были. Отсутствие ярких символов не привлекает к ней широкую публику и туристов. А мне, наоборот, интересна, потому что я хочу проникнуть в суть этой «рациональной» культуры, узнать, почему она именно такова. Потом внезапно данная культура начинает отвергать прежние мировоззренческие шаблоны и аксиомы; в ней постепенно зарождается тяга к той «иррациональной» символике, что в полную силу проявит себя в скифской культуре. Однако через несколько столетий расцвета скифские культуры растворятся в массе более «рациональных». И я думаю, что их гибель была во много predetermined тем, что обязательный характер ее «иррациональной» символики требовал гигантского объема общественной энергии, на какую зачастую не хватало сил...

– Вы указываете, похоже, на тайные пути причинной связи в истории народов...

– У этих путей бывают причудливые маршруты. Перенесемся на другой континент. Вслед за открытием Колумба в Америке появляются малочисленные отряды испанцев, и хорошо известно, как завоевывался народ майя. Однако я хочу привлечь внимание к южноамериканскому государству инков. Испанцы обнаружили, что те обладают громадным числом изделий из золота и серебра. Культура «иррациональна» двойко. Во-первых, инки помещали массу драгоценных металлов в могилы своих царей. И во-вторых, у них видимо, существовало табу на производство из металла оружия и орудий труда; металл годился лишь для священных целей, для выделки сложных по форме и технологии сакральных предметов. Конкистадоров очень мало, а инки тысячекратно более многочисленны. Сталкиваются две культуры, абсолютно несопоставимые по всем признакам, но испанцы побеждают. Франциско Писарро пленил вождя инков, заключил его в комнату и назначил выкуп: пока не наполните комнату золотом – не выпустим. Те наполняют помещение золотом, но испанцы вождя все равно жизни лишают. Золото инков (не только те шесть тонн!) наполняет кладовые испанских королей. Испанцы в XVI веке вдохновлены, они полагают, что теперь они сверхдержава, поскольку за золото можно купить все. Испанцы пребывали в сладостной «золотой» мечте о величии. Однако неподалеку англичане, у которых золота было несопоставимо меньше, развивали технологии разных производств. Но золото кончилось и вышло так, что англичане вырвались в этой гонке намного вперед. Инков во многом погубило изобилие драгоценных металлов, из которых ничего, кроме сакральной атрибутики, выделывать было

нельзя. У испанцев же эти коварные металлы создавали вредную иллюзию могущества (наверное, как ныне в России нефть). Мир оказывается парадоксально связанным: откуда-то за тысячи километров золото перебрасывается и оказывается гибельным для получивших его культур.

– Отказавшись от «пятичленки», преподаватель окажется разоружен: какую схему ему преподнести аудитории?

– Надо ориентировать на другие, не столь примитивные универсальные категории и закономерности.

Родиной всего человечества является, как известно, Африка: именно там находят костные останки древнейших представителей людей. Затем они начинают расселяться по всей Евразии. Еще до конца ледникового периода они ухитряются пересечь Берингию – тогда это был ледяной мост и проникнуть на американский континент. Они достигают даже Австралии. Примерно 14-12 тысяч лет назад завершается ледниковый период, и практически вся обитаемая ныне суша Земного шара оказывается оккупирована человеческими сообществами. По завершении ледникового периода Америка и Австралия отделяются морскими границами. Человечество с тех пор оказывается как бы разделенным на четыре относительно изолированных полигона: евразийский, африканский (я имею в виду тот, который располагается к югу от Сахары), американский и – самый незначительный – австралийский. Когда мы приступаем к изучению истории человечества, мы должны иметь в виду, что культуры этих четырех полигонов отличаются своей спецификой, порой весьма существенной; что парадигмы изучения археологических древностей на каждом из этих пространств должны обязательно учитывать их своеобразие.

Когда же я говорю о евразийском полигоне, я имею в виду, прежде всего, огромный массив, в котором культуры сопрягаются, сталкиваются и волею-неволею могут воспринимать или не воспринимать достижения других. Но на этих гигантских пространствах отмечался определенный единый ритм развития огромного ряда культур, которые оказывались в той иной мере взаимосвязанными. Если вы будете изучать какой-то фрагмент в отрыве от всего евразийского полигона, вы ничего не поймете. Рассмотрение нужно вести в едином пространстве, куда, кроме самой Евразии входила, конечно, и присредиземноморская Африка.

Где-то на рубеже III–II тысячелетий до н. э. на евразийском полигоне происходит отчетливое формирование трех основных миров (см. схему), культуры которых связаны с определенной моделью жизнеобеспечения. Наиболее северный мир –

это огромный лесной домен охотников, рыболовов, собирателей. Мир «средний» – это домен степных культур мобильных – кочевых и полукочевых – скотоводов. Южный мир – там, где господствуют общности оседлых земледельцев. Важно понимать, что они развиваются в совершенно разных социально-технологических моделях. Скажем, народы оседлого земледелия привязаны к местам поселений и городов, к своим полям. А скотоводы, наоборот, столь тесно не привязаны к местам обитания; они гораздо более свободны в пространстве своего домена. Это им принадлежит честь открытия кавалерии, которая служила основным таранным родом войск вплоть до начала XX столетия, но уже нашей эры. С их конными отрядами было почти невозможно успешно сражаться на пространствах их бескрайнего домена.

Такая картина сложилась в позднем бронзовом веке или же не менее пяти тысяч лет назад. Именно тогда центр тяжести взаимодействия основных миров сместился на пограничье мира мобильных скотоводов и южных оседлых земледельцев. За северной гранью скотоводческих культур оставался лесной домен охотников и рыболовов, сообщества которых оказались как бы в стороне или же изолированными от основных событий на Евразийском континенте в течение этих пяти тысячелетий. Все тогда стала определять ожесточенная многотысячелетняя конфронтация между мирами мобильных скотоводов и оседло-земледельческими культурами и общностями южной половины Евразии.

Крайне любопытно то, что с рубежа III и II тыс. до н. э. в Евразии формируется своеобразное «ядро» высокотехнологичных культур. В этом «ядре» легко различаются две основные составляющие: это именно те два сражающихся между собой мира, о которых мы только что говорили. Все великие и малые постижения – как технологические, так и социальные – свершаются теперь в рамках этих миров. За пределами «ядра» раскинулся огромный и вполне самодостаточный северный мир лесных охотников, рыболовов и собирателей. В предшествующие тысячелетия территории, занятые высокотехнологичными культурами, возрастали, как правило, скачками. Самый мощный пространственный скачок или рывок и приходился как раз на рубеж III и II тыс. до н. э. Однако с этого периода евразийское полотно высокотехнологичных культур стабилизировалось. Наступила феноменальная эпоха «Великой пространственной стагнации». Однако – я подчеркиваю – стагнации именно пространственной, но не технологической. Технологии и социальные модели активно менялись, но происходило это лишь в рамках того самого «конфронтационного» ядра.

– У вас есть контакт с философами?

– Нет. Философы работают в огорчительном отрыве от прочего научного мира. Я говорю это совершенно определенно, все мои попытки выйти с ними на контакт ни к чему не приводили, и я не одинок в этом. Я много лет работал в Фонде фундаментальных исследований, где в отделе «Наук о человеке» представлена и секция философии. Смешно сказать, но когда обсуждается какая-то философская тематика, все отмахиваются – мы в этом ничего не понимаем. Каким-то образом философы загнали себя в некоторую нишу, которую никто не желает с ними разделить.

Мне приходится осмысливать свою профессию, но не в контакте с философами, а самому или в контакте с историками и даже представителями естественных наук. Когда в советское время у нас был организован методологический семинар, я, не будучи членом партии, возглавлял его, и не помню, чтобы у нас на этом методологическом семинаре появлялся кто-то из философов, там были лингвисты, экономисты, но не философы.

Философы всегда непонятны, может быть, они очень хорошие люди, но чем они занимаются – непонятно. Это навевает уныние.

– А археологи чувствуют необходимость не замыкаться, идти к широкой общественности?

– Да, потому что ныне торжествует паранаука, и сладу с ней нет. Где-нибудь выступаешь, а тебе говорят – вот такой-то доказал, что ... – и далее цитируется какой-то бред, типа русские появились из-под айсбергов. И как при этом что-то доказывать? Но бороться надо, в том числе и со старой парадигмой, которую мы сегодня обсуждали, она до сих пор господствует, особенно в околоархеологических кругах. Безусловно, необходимы кардинальные поправки в мировоззренческую картину. Поэтому сейчас, считаю, исключительно важной становится научно-популярная литература, где специалисты-профессионалы высокого класса излагают сложные узкопрофессиональные вопросы нормальным и доступным для широкой читающей публики языком. Конечно, гламур все задушил, и тиражи наших книг – это максимум тысяча экземпляров, а то и вовсе 200-300 экз. Нужны научно-популярные книжки и книги, и они должны иметь широкое распространение: мне кажется, что ныне это задача номер один.

Апрель 2010

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>